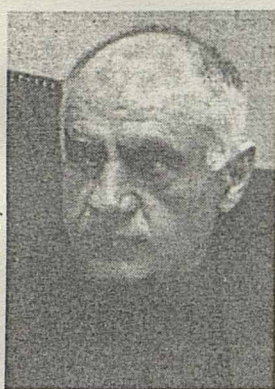

Толстой Л. Н. «Хаджи-Мурат» в усадьбе Льва Толстого

9 сентября в московской усадьбе Л.Н. Толстого в Хамовниках впервые была исполнена опера Ширвани Чалаева «Хаджи-Мурат». Премьера приурочена к 175-летию со дня рождения великого писателя. Создатели посвятили спектакль памяти жертв всех войн на земле Кавказа.

Ширвани Чалаев: «Идея написать оперу «Хаджи-Мурат» родилась в разговоре с Родионом Щедриным. Я предложил ему написать оперу на толстовский сюжет. Родион Константинович ответил: «Голубчик мой, «Хаджи-Мурата» надо «изнутри» писать. Поэтому Вам надо писать эту оперу». Не скажу, что у меня сразу возникло желание писать сочинение на этот сюжет. Но информация появилась, да и тема тогда оказалась свободной. Когда начались «кавказские дела», я — как всякий нормальный человек — понял, что все это уже было, словно сон проявляется наяву. Может быть, лучше прочесть у Толстого о том, что происходило? Тогда, может быть, люди смогли бы избежать прежних ошибок и глубже отнеслись бы к происходящему на Кавказе. Вот тогда я решил, что мне надо писать эту оперу. Я не собирался остановить войну, это, конечно, не в моих силах. Но...

Судьба рядового русского Авдеева и судьба Хаджи-Мурата — это одна и та же судьба. Мы воюем, совершенно не понимая, зачем. Если такой творческий человек, как Лев Николаевич Толстой говорит об этом, я думаю, обе стороны могли бы это осознать и сделать соответствующие выводы. Я хорошо знаю горы, народы, я собирал разные песни народов Дагестана. Я сторонник выхода нашей культуры, выхода нашего народа через русскую культуру в мир. У меня к этому времени уже были созданы романы на стихи Блока, Есенина, Пушкина, Тютчева, Лермонтова. Мне показалось, что в какой-то степени готов говорить и за «этих» и за «тех», что я имею право сочинять произведение на толстовский сюжет, очень актуальный сегодня. Мне безумно нравится это сочинение Толстого, за последнее время я раз пятнадцать его перечитал.

Опера писалась очень быстро и легко, была сочинена за месяц с небольшим. К 1991 была, в основном, готова. Мне легко работалось с замечательным человеком, автором либретто Виктором Дубровским, помощником Андрея Гончарова по художественной части. Это был один из самых светлых людей, с которыми мне приходилось встречаться. Больше всего я сожалею, что он не дождал до премьеры — в феврале этого года его не стало.

Опера пролежала 10 лет. Я пытался ее «устроить», даже обращался в Думу. В свое время ею заинтересовался теперь уже покойный Евгений Колобов, у меня был разговор с Лазаревым, тогда — главным дирижером Большого театра, который считал, что опера может быть там поставлена. Говорил и со своим большим другом Валерием Гергиевым, он в те годы показал в Лиссабоне моего «Короля Лиры». Тогда нам казалось, что «Хаджи-Мурат» для Лиссабона не подойдет. В общем, как-то все не получалось, и я практически «отошел» от этой оперы.

И вдруг... Я вступал в Кисловодске, пел народные песни с оркестром. После концерта ко мне подошел человек, представился — директор Музея Л.Н. Толстого Виталий Ремизов — и попросил позвонить ему в Москве. Я позвонил, и он сразу устроил мой концерт в Музее. Я рассказал Ремизову, что у меня лежит готовая опера «Хаджи-Мурат». Оказалось, Виталий Борисович очень любит эту повесть Толстого. Познакомившись с партитурой, он загорелся идеей ее поставить. Позвонил мне этим летом и сказал, что 9 сентября будет отмечаться 175 лет со дня рождения Льва Толстого. Так родилась идея первого представления моей оперы «Хаджи-Мурат».

Директор Государственного музея Л. Н. Толстого В. Ремизов: «Счастливым случаем свел меня с Ширвани Чалаевым далеко от Москвы. На одном из его авторских концертов, оставивших неизгладимый след в моей душе, я узнал о том, что им более 10 лет назад написана опера на сюжет толстовской повести «Хаджи-Мурат». Сразу возникла мысль о ее постановке 9 сентября, в день в день 175-летия Л.Н. Толстого, и не где-нибудь, а в Москве, в хамовнической усадьбе писателя — там, где он работал многие годы над своим поэтическим завещанием — повестью «Хаджи-Мурат».

Решено было исполнить оперу во дворе усадьбы под открытым небом. Для постановки пригласили художественного руководителя Московского музыкального театра «Амадей» **Олега Митрофанова** и его солистов, **Государственный симфонический оркестр кинематографии** (художественный руководитель и главный дирижер С. Скрипка), главного дирижера Симфонического оркестра Карельской филармонии **Олега Солдатова**, **Государственную хоровую капеллу им. А.А. Юрлова** (художественный руководитель и главный дирижер С. Гусев) и художника **Асю Шенталинскую**.

Играть оперу на вольном воздухе в осенней Москве — дело рискованное. Погода в предпремьерные дни не баловала: постоянно шли дожди, дул холодный ветер. Репетиция накануне премьеры была отменена из-за непогоды. В юбилейный вечер дождя не было. Правда, от холодного ветра не спасал и шатер, сооруженный над импровизированной сценой и десятью рядами мест. Кроме того, исполнению мешали проезжавшие за оградой усадьбы машины.

На премьеру собралось около 400 зрителей, пришли и многие члены Союза композиторов России во главе со своим председателем Владиславом Казениным. Но не все досмотрели до конца большой трехактный спектакль — замерзли.

В опере Ш. Чалаева нашла отражение вся сюжетная канва повести, задействованы все персонажи. Кроме толстовского текста, используются стихи Лермонтова, аварские песни. Гармонично сочетаются национальный фольклор и традиции русского симфонизма. Прекрасно выписаны хоровые сцены с солирующими голосами героев, симфонические эпизоды. Потрясают сцена смерти русского солдата Авдеева, монолог-рассказ Хаджи-Мурата. В главной партии выступил баритон **Валерий Планкин**, и это — лучшая актерская работа в спектакле.

В целом, сценическое воплощение оперы разочаровало. Действующие лица были одеты в стилистически точные костюмы, но разделение персонажей на два лагеря выглядело слишком прямолинейно: русские в белых одеждах, кавказцы — в черных. Главная режиссерская идея О. Митрофанова — использование веревок как символа порабощения свободной личности Хаджи-Мурата. В финале этими веревками душили героя и зачем-то накрывают его бутафорской горой, которая стояла сбоку на протяжении всего спектакля (видимо, в роли небезызвестного «ружья»). Места для передвижения артистов на импровизированной сцене было мало, хор оставался статичным. Зрителям, сидевшим дальше четвертого ряда, было практически ничего не видно.

Значительно большее удовольствие доставило бы концертное исполнение оперы. Тем более, что оркестр под управлением Олега Солдатова и Хоровая капелла им. Юрлова со своими задачами прекрасно справились.

Сейчас организаторы проекта ведут переговоры о показе оперы на закрытой площадке.

Елизавета ДЮКИНА

М. 43. обозр. № 4. — 2003. — № 10 (окт.) — с. 14